

Илья Таранов

СТЕНА

Роман

**И воззрел Бог на землю, – и вот, она растленна...
...ибо всякая плоть извратила путь свой на земле...**

Первая книга Моисеева. Бытие, гл.6.

Часть первая

**Одни строят стены, другие прячутся за них,
третьи – стены разрушают.
Автор.**

Глава 1. Сю-впечатление в начале XXI века

Черный ворон на иссохшей сосне пристально следил за одиноким путником – мужчиной средних лет с черными длинными волосами и ухоженной смоляной бородкой. Что-то в облике человека привлекало внимание

птицы: горделивая осанка или одержимый взгляд – кто же знает? Звали его Виктор, причем с ударением на последний слог. Он шел по безлюдному берегу широкой реки, отражавшей перламутровой гладью мягкий румянец рассвета. На влажном, холодном песке оставались чёткие следы ступней, и Виктор старался ещё глубже продавливать береговую твердь. – Следы на песке – видимая связь прошлого с будущим! – сказал громко Виктор, обращаясь к птице, и, не дождавшись ответа, продолжил:

Земля – последнее для нас объятье,
И красота в ней обернётся прахом.

Ворон тяжело взмахнул крыльями и полетел прочь. Виктор намеревался сделать следующий шаг в грядущее, но замер, с любопытством разглядывая пустые безжизненные глаза, изящный ротик, застывший в полуулыбке, каштановые спутавшиеся волосы с неестественным блеском.

– Не надо притворяться, милочка!.. Или ты решила свести с жизнью счёты? Не торопись! Посмотри вокруг, как прекрасен мир! – Виктор поднял с песка кем-то брошенную куклу и усадил её на травный бугорок, согнув пластмассовые руки и ноги, имитируя движения ангелочка на намалёванном облачке. – Нет, милая, до божества тебе далеко. В твоих симпатичных глазах нет милосердия...

Утреннее июльское солнце неторопливо выкатилось из-за песчаного косогора, поросшего густым лесом, и вмиг разбросало сияющий жемчуг бликов по молочно-призрачному зеркалу речной воды. Волга в этот час неспешно двигалась меж крутых благодатных берегов вниз – к далёкому Каспию – размеренно дыша величием и неиссякаемой первозданностью.

Виктор энергично поводит загорелыми плечами, ступил на мелководье и, ощутив приятную свежесть воды, с разбегу бросился в её лонную зыбь. Он плыл, наслаждаясь безмолвием и вековечным миром. Небо и вода невидимо сливались в туманном разливе реки, и Виктору казалось, что он парит в пространстве небытия.

Точка, вдруг обозначившаяся вдали, увеличивалась, и Виктор увидел странную синюю птицу, плавно взмахивающую красными стреловидными крыльями. Птица медленно и очень низко летела в сторону пловца. На ней, спиной к Виктору, сидела девушка и помогала птице махать длинными крыльями.

– Да это же лодка! – удивился Виктор.

Девушка перестала грести красными веслами, обернулась, и утреннее солнце косыми лучами раззолотило дивное лицо и длинные, струящиеся по плечам волосы. Незаметные на расстоянии человеческому глазу формы Виктор дорисовал воображением и изумился неожиданному сходству незнакомки с вымышленным идеалом, который Виктор бережно утаивал от всего мира. Увидев Виктора, она помедлила, развернула свою

лодку и поплыла прочь. Блаженная улыбка пловца не заинтересовала девушку. Синяя птица счастья ускользала от Виктора, и он устремился за ней.

– Послушайте, прекрасная незнакомка! Остановитесь, пожалуйста-а! – нараспев крикнул Виктор.

– Я ищу свою куклу... Ку-у-у... – отозвался мир хрустальным звоном незнакомого голоса.

– Ваша кукла на берегу. Я нашёл её на песке и усадил на кочку.

– Вы поступили беспардонно, оставив ее одну.

– Вы смеётесь надо мной!?! Это же кукла!

– Если вы не разглядели даже в кукле обнаженность женского одиночества, что вы увидите во мне?

– Я хочу с вами поговорить. Скажите хотя бы ваше имя!

– Спросите у ку-у-кл-ы, – лодка вошла в туманную пелену, стелившуюся местами по воде, и постепенно исчезла из вида.

– Вы восхитительны! Я вас разыщу, – крикнул Виктор, но его слова вернулись одинокой чайкой, низко летящей и внезапно пикирующей в воду, будто она выискивала в серебре сверкающих бликов гранёные камешки рассыпанной фразы. Виктор повернул назад.

Сосны на берегу, как нахмуренные брови гиганта, сходились к песчаному оврагу, в тених которого ещё хоронилась ночная прохлада, но косогор уже не отпускал солнце, поймав краем обрыва его золотые локоны...

Виктор, тяжело дыша, вышел из воды, постоял в раздумье и зашагал к оврагу, где прятался конец лесной тропинки, ведущей к каменному особняку.

Следы на темной охре песка, казалось, были оставлены не им, а невидимкой, осторожно ступающим следом. И если Виктор перепрыгивал через большие клещевидные коряги, торчащие из песка, то и невидимка также ловко преодолевал препятствие, соблюдая минимальную дистанцию с человеком, указывая на всеединство человека – невидимки. Ангел-хранитель сопровождает тебя, или крадёт злой рок? Кто знает?! Ангел ли, сходящий с неба, над головой которого радуга, а лицо как солнце, утверждает волю и разум твой для свершений благих. Или зверь, выходящий из земли, с рогами, подобными агнчим, говорящий как дракон, сталкивает тебя в пропасть искушения? Выгонщик духов, имеющий власть над землёй и небом, дает лишь время покаяться, да сокрушает, как горшки глиняные, надежды иные, не наполненные любовью и верой...

– Здравствуй, Виктор! – хрипловатый голос горбоносого тощеватого рыбака в застиранной тельняшке вывел Виктора из раздумья, – Не спотыкнись, черт бородатый!

– Алексеич! Доброе утречко, – Виктор поздоровался за руку с пожилым рыбаком и его долговязым сыном, молчаливо перекладывающим рыбу из лодки в деревянные ящики.

– Доброе, коль не шутишь! Что спозаранку-то утруждаешься? – рыбак снимал лодочный мотор.

– Кто рано встает – тому Бог подает, – ответил Виктор.

Рыбак обтер руки и закурил папиросу, бережно вынув ее из дешевого портсигара:

– Верный разговор.

– Как улов?

– Рыбешка есть... Сазана даже взяли. А, Сергей, верно говорю? – рыбак подмигнул своему угрюмому напарнику.

Виктор заглянул в лодку. В больших ящиках поблескивая на солнце серебром, вздрагивала жабрами и дергала хвостами свежая рыба: толсто-брюхие судаки, полосатые окуни, крупночешуйчатые лещи, жирные сазаны и гладкая, будто шлифованная чехонь. Рыба изредка шевелилась, открывала рот; ее выпученные глаза напоминали пустые круглые имитаторы глаз брошенной куклы, и Виктору показалось, что это маленькие русалки взывают к нему: «Возьми нас, возьми нас...» Он отшатнулся, придя в растерянность от внезапного наваждения, и пробормотал:

– Натюрморт «Ящик с русалками».

Рыбак заметил некоторую оторопь гостя:

– Что, разве не видал вживе столько рыбы?.. Возьми на уху-то. Угощаю.

– Эх, Алексеич! Сюда бы сейчас бородатых бурлаков с картины Репина. И бочонок красного грузинского вина! Написал бы я картину «Распитие утренней свежести с бурлаками на Волге за два часа до царского улова», – отвечал Виктор, глядя на рыбака. Тот отламывал ивовую ветку.

– Кукан тебе будет, черт бородатый, – рыбак бросил сломанную ветку Виктору.

– От твоей рыбы, Алексеич, не откажусь, – он принялся насаживать на гибкий прут двух больших судаков.

– Картины твои Виктор, люди говорят, мудреные шибко. Женщин обнаженных малюешь с птичьими головами?

– Малюю, Алексеич, портреты актеров и политиков с их родными головами, но бывает и модерн.

– Судить не стану, твоих картин не видал, а Репина ты вспомнил верно. Рисовал для народа... Вот ты толковал, зимой в Италии любишь жить. А я без Волги-то, без ядрёных морозов не смогу. В январе из баньки выскочишь да в сугроб. Воздух трещит. Пар от тебя столбом к звездам... Жуть хорошо! – говорил рыбак, вытаскивая из лодки сеть, но Виктор его уже не слушал.

Весла!...Весла! Два красных весла лежали на песке около рыбацкой лодки. В другое время они могли бы привлечь художника как превосходная натура для этюда, но сейчас Виктор ушел в мыслях в другое пространство. Он вспомнил незнакомку на синей лодке.

– ... Понаехали к нам из города эти, как их окрестили еще при Борисе, новые русские. Все одного покроя! – продолжал рыбак. – Понастроили

дома и коттеджи. Деньги вкладывают в землю. А в нее душу надо вкладывать. Ты, черт бородатый, – художник, с тебя другой спрос. Поэтому тебе скажу, что место для своего жилища ты выбрал на этом берегу зря... Проклятое оно. Полвека назад недалеко от сюда церковь затопило рекой... Кресты торчали над Волгой... Серёга мой слышал с месяц назад, будто колокол бил под водой...

– Алексеич, а ты сегодня никому не давал свою лодку? – перебил рыбака Виктор.

– Лодку и жену не даю никому! А что спрашиваешь?

– Утром тут плавала девушка на синей лодке с красными веслами.

– Вчера ее видал... Краля городская. На даче чьей-то отдыхает. А сегодня только чайка кружила... Да ласточки, видишь, юркают над водицей. Грозу жди после полудня.

– Грозу? На небе ни облачка!

– А ты глянь на запад! Горизонт кучерявится... Ну, будь здоров, нам за работу...

Виктор направился по тенистой тропинке к спрятавшемуся в лесной зелени двухэтажному особняку, железную крышу которого и башню с часами хорошо было видно со стороны Волги, если плыть по ней на катере или яхте.

Несомненным модернизмом странного строения была башенка механическими часами, завершающая боковую пристройку к дому – флигель, – из незатенённого окна которого молчаливо взирала на широкую лужайку гипсовая голова Лаокоона. Башенку с часами уравнивала с другого края крыши телевизионная спутниковая антенна.

Глава 2. Пробуждение музыки

– Доброе утро, Виктор! Водичка сегодня теплая?..

– Доброе утро, моя дорогая Вероника! Вода теплая и такая чистая, как божественная слеза... Все чудесно, – мужчина бодро зашел на летнюю вбежал на летнюю веранду и театрально поцеловал стройную миловидную женщину.

– Тебе чай или кофе? – она с ласковой улыбкой расставляла на круглом столе чашки.

– Кофе и чизбургер!

– Сегодня ты с большим уловом. Сам поймал или это награда самой Афродиты? – в ее ясном взгляде сияла утренняя свежесть полевых ромашек.

Виктор поднял кулан с рыбой над столом:

– Эти судачки – награда моей возлюбленной по имени Вероника, – ответил

– Осторожнее, Виктор! Положи рыбу на лавку.

– Это же награда за твою любовь, Вероника!

– Хороша награда, с которой придется немало потрудиться... Чистить, потрошить, готовить!

– Дорогая, зато истинная награда ждет повара в потоке хвалебных восклицаний.

– Вот восклицаниями и наполню твой бокал вместо кофе!

– Замечательно! И добавь ложечку сладкого, к примеру: «Влечение к тебе неодолимо и скрашивает мне все эти дни...» – Виктор блаженно устроился на пестром диванчике под навесом просторной веранды и стал всматриваться в акварельную лазурь неба, разлитую над кронами деревьев...

Раннее солнце настойчиво пробиралось сквозь смолистую хвою сосен, подсвечивало стволы, скользило по веткам, вырывалось сверкающими снопами на простор лужайки и, попав на скатерть стола, разыгралось бликами на гладком фарфоре изящного чайничка. Заглянуло в чашку с дымящимся напитком и бросило туда золотую монету.

– Однако, где все наше лесное общество? – спросил Виктор, отхлебывая кофе.

– Общество в последней стадии пробуждения, – ответила Вероника. – Ты пригласил гостей, которые, видимо, приехали для того, чтобы отоспаться. Это какое-то царство изнеженных тел.

– Когда-нибудь я напишу картину «Борьба изнеженных тел с гидрой сновидения».

– Нет-нет, дорогой Виктор! Эту борьбу можно отобразить только в камне! – послышался густой бас, и на веранду вышел мужчина крепкого сложения с тугим животом. Потянувшись, он громко запел известную арию: «А-а-а-о-о... Кто-о-о может сравниться с Матильдой моей...» В широких джинсовых шортах и в белой майке с вышитым на груди цветными нитками словом «PARIS», он напоминал импозантного туриста. Не хватало дорогого фотоаппарата и большой гаванской сигары. Но этот недостаток заменяла густая шевелюра с проседью, широкая борода да золотой перстень с большущим черным камнем. – Всем привет! – не задерживаясь на веранде, здоровяк вышел на лужайку, поднял руки и, запрокинув голову, заголосил ещё громче. Казалось, он хотел поймать все солнце, с трудом пробившееся через деревья.

– Bravo нашему скульптору! Осталось найти мраморную глыбу и размолотить ее на куски. Это и будет повергнутая гидра сновидения, – ответил Виктор.

– Виктор, дорогой! Ты прав! Тут нужна не кисть, а кувалда и железные бицепсы, как у вашего покорного слуги, – ответил толстяк, подсаживаясь к столу. – Кофе по утрам пьют лирики, а истинные громилы-гиганты каменных шедевров предпочитают сотенку граммов коньяка с лимончиком. Вероничка, наше зеленоглазое солнышко, приготовь каменотесу двойной чисбургер с божественной улыбкой.

– Алексей Григорьевич, вы уж выбирайте что-то одно. Улыбку или чизбургер, – Вероника пыталась серьезно смотреть на собеседника.

– Вероника, ты само очарование! Виктор, ты недооцениваешь острый ум своей супруги. Напиши Веронику на белом арабском скакуне в черной атласной мантии магистра философии... Эх-хра-а... Коньячок хорош!

Вероника живо поддержала новую тему:

– Все мужчины недооценивают женщин... Вечно носятся со своими проблемами, забывая, что именно женщины бессонными ночами растили этих неблагодарных гениев...

– На-поди, верное замечание, – пробасил Алексей Григорьевич.

– Милая моя, но именно творец так устроил мир! – продолжил Виктор.

– Да, в Библии сказано, что женщина сотворена из ребра Адама, и все мужчины зацепились за это, обосновывая свое превосходство... Но сначала Адам был не мужчиной, а образом и подобием божьим, существом свободным, – горячилась Вероника. Но чувственная простота и врожденная приветливость с оттенком некоторой наивности не сходили с ее милостивого лица.

Толстяк вновь наполнил свою рюмку.

– Нет, право, Вероничка, ты просто Мадонна, очищающая нашу бородатую расхристанность! Твои мысли крепки и чисты, как этот божественный напиток, – Виктор, срочно напиши картину «Мадонна Вероника и два бородатых чудовища».

– Почему же два? Три, Алексей Григорьевич! Вы забыли Генри! – воскликнула Вероника.

– Эту жиденскую чеховскую бороденку ты хочешь записать в чудовища!? – удивился скульптор.

– Вчера вечером Генри поглощал шашлык с яростью доисторического бронтозавра. И пообещал, кстати, утром почистить кастрюли и шампура. А сам спит и в ус не дует. Это просто чудовищно! – с улыбкой произнесла Вероника.

– Согласен, Вероничка, Генри – молодое чудовище.

– А вот и я! Доброе всем утро! – на веранде появился молодой человек интеллигентного вида: русые волосы с пробором, чуть выпяченные скулы с тонкими бакенбардами, аккуратная бородка, сквозь стёкла очков светились выразительные глаза пламенного пиита. Небрежно накинутая цветастая хлопчатобумажная рубашка навыпуск и яркие шорты ниже колен не вязались с его внешностью. С удивленной улыбкой он посмотрел вокруг, как будто оказался здесь неожиданно, переброшенный волею джина из другого пространства, и продекламировал: «Он очутился под столбами большого дома. На крыльце с поднятой лапой, как живые, стояли львы сторожевые...»

– На-поди, Генри! Молодец! Я согласен быть львом. Кстати, неплохо бы закусить чем-нибудь существенным. Вот этим чисбургером, а потом сразу же вторым, – толстяк аппетитно откусил бутерброд.

– Как спалось, Генри? – спросила Вероника.

– Превосходно!

– Слава Богу!.. Умывайся и подсаживайся к столу. Будем завтракать.

– А что вы вчера говорили об Ахматовой и моём творчестве? – Генри снял очки и стал походить на Христа. Он умывался из старого медного рукомойника, издавая фыркающие звуки, и рассуждал:

– Анна Ахматова, между прочим, – литературный псевдоним. На этом моё сходство с ней заканчивается... уфф...фррр... В ее лирике драматические жесты на первом плане, а я предпочитаю ставить их на задний план... уфф...фррр... Она пишет: «Я всех на земле виноватей, кто был, и кто будет, кто есть...». А я бы о себе написал: «Я всех на земле влюбленней...»

– Bravo, Генри! Я напишу полотно «Генри, выпрашивающий вдохновения у медного рукомойника».

– Ста таких рукомойников хватит на статую «Медный Генри», – подхватил бородатый толстяк.

– Я польщен вашим вниманием! – сказал Генри, присоединившись к веселой компании на веранде. – Налейте мне вина. Поговорим о бренном... «Служенье муз не терпит суеты...»

– Правильно, Генри. Юмор этих бородатых чудовищ – одно умствование. Вероника поставила на стол чашку с недопитым кофе.

Солнце нырнуло в банку с цветами, вспыхнув там, среди цветочных стеблей, щедрым огнем радости, и блесками рассыяло вокруг – а ну очнись! – спрятавшись в неброском букетике. Затем перекинулось на стену дикого винограда, живописно выющегося на солнечной стороне, но пробиться через зелень ажурной листвы ему не удалось. Оплетая обрешеченные окна, растение сохраняло прохладу в доме и создавало полумрак, в котором тихо дремала старинная мебель, в основном викторианского стиля, недорогая из-за ветхости, купленная частью в провинциальном антикварном магазине, а частью привезенная из столицы. Изысканный вкус хозяина особняка чувствовался не только в интерьере. Цветник перед домом – чудесное тому подтверждение. Кажется, у Клода Моне есть замечательное полотно «Уголок сада в Монжероне». Похожий оазис цветов был выращен умелым садовником и в этом месте.

Глава 3. Сценарист и действующие лица

Вскоре разговор на веранде зашел о непривычном для России зрелище – корриде. Виктор прошедшей весной побывал со своей выставкой

в Испании и вспомнил свои впечатления об этом душераздирающем действии. Он рассказывал:

– Тореодор, убивающий ударом шпаги быка, вызвал у меня ассоциацию с художником, который пишет экспрессивно и размашисто на черной коже животного красным кадмием слово «Смерть»...

Вероника с отвращением передернула плечами:

– Боже мой, что творится в твоей голове, Виктор!

– Таких голов в России раз-два и обчелся, – воскликнул Клювин.

Виктор погрузился в воспоминания об Испании. Туда он приехал с Вероникой, и они остановились в горах Михас, в тихом отеле с арабскими двориками и фонтанами. Выставка была устроена в Севилье – большом белом городе на берегу Гвадалквивира, – по улочкам которого когда-то гордо вышагивала чернобровая Кармен. Удалось продать часть картин коллекционерам, ценителям сюрреализма...

– Нет, что ни говорите, а на корриду я не ходила и не пойду, – сказала Вероника.

– Разъяренный бык будоражит кровь, разгоняет скуку жизни! А ты что скажешь, Генри? – рявкнул скульптор.

– Я? – рассеянно откликнулся молодой человек.

– Ну конечно же, Генри!

– Мне гораздо приятнее смотреть на звезды, чем видеть шпаги, убивающие быка, – ответил он, перефразировав философские строчки.

– Надо брать быка за рога, дорогой Генри! Или на быке, или под копытами!

– Чему вы учите юношу, Алексей Григорьевич?

– Жизни, Вероничка! Философия – хорошо! А крепкие мышцы – необходимость! Давай-ка, Генри, устроим корриду... Встань здесь... Я, старый бык, буду тебя – молодого – учить жизни. Разомнем мышцы... Держи тряпку! – скульптор сунул в руки Генри покрывало с кресла, и, наклонившись, толкнул молодого человека головой. – Бей по загривку!.. У-у!

– Достаточно ребячиться, Алексей Григорьевич, – Вероника защищала Генри. Тот, вяло держа покрывало, неловко отступил к столу.

Хмельной скульптор рассвирепел. Он дико рявкнул: «Генри! Держи быка за рога!» Генри вздрогнул и попятился. Клювин с размаху боднул поэта, врезался в стол, перевернул его, спотыкаясь, сделал еще три шага и выбил головой боковую раму веранды. Посыпалось стекло. Вероника испуганно закричала, бросаясь к Клювину: «Вы живы, Алексей Григорьевич?»

– Живой! Жаль, трибуны разнес в щепки! Виктор, вычти причиненный ущерб из моего будущего гонорара...

– Ах! – вновь вскрикнула Вероника. – Что с Генри? – она сердобольно склонилась над неподвижно лежащим молодым человеком. – Дышит! Слава Богу!

– На-поди! Я его чуть задел, а он как девица монастырская, упал в обморок.

Вероника метнулась в дом и быстро вернулась с флаконом нашатыря. Генри очнулся. Его усадили к столу. Вероника хлопотала вокруг, а скульптор добродушно подтрунивал: «Сопельки, сопельки подотри ему... Выпиши больничный, а мы его отправим на курорт... Генри, будь мужчиной, врежь по столу, да прикажи подать водки...» Вероника отмахивалась: «Вас надо бы выпороть, как непослушного ребенка».

Клювин в недоумении поднял брови и посмотрел вокруг:

– Виктор, защити раненого быка! Меня хотят добить милосердием!.. Что ты скажешь о нашей утренней корриде?

– Собственно говоря, коррида, – усмехнулся Виктор, – это и есть моя живопись. Все время сражаешься с образами, мечущимися в сознании. Мышцы тут бесполезны.

– Это верно, дружище! Твои мозги накачаны богатырской силищей, – Клювин сжал кулаки и показал свои бицепсы.

Виктор перестал слушать. Он думал о своем: «Однако, что сегодня меня так поразило? Кукла на песке? Да-да!.. Похожая лежала на столе в московском кафе и смотрела на меня пустым взглядом. Маленькая девочка за соседним столиком ела мороженое, болтала ногами, поглядывала в мою сторону, на распутившуюся красную розу, которую я положил рядом с собой. Был февраль. Накануне мне позвонила Тамара: «Здравствуй, Виктор!.. Это твоя Госпожа любви... Ты в Москве? Я ждала! Хочу тебя увидеть. Приезжай завтра утром в нашу кафешку. Да... Именно там. Да-да... У меня все в порядке. Деньги мне передали... Если захватишь с собой еще немного, я не откажусь. Все подробности при встрече. Целую...»

Что было дальше?.. Виктор второй раз заказал кофе. Тамара, наконец, позвонила ему на мобильник: «Ты давно ждешь? Я только что зашла в метро... Ой, как всегда какие-то препоны. У меня тоже мало времени. Спустись в метро и меня на Павелецкой...» Виктор спускался по эскалатору с непонятным чувством беспокойства. На перроне начиналось столпотворение: забегали люди, слышались крики, вопли. В какой-то момент Виктор испугался. Эскалатор встал. Кто-то бежал вниз, кто-то продирался наверх. Виктор услышал: «Взорвался вагон...» Милиция расталкивала толпу, появились спасатели и медики... Шум, паника! Гвалт!.. Внезапно нарисованная картина была настолько сюрреалистической, что Виктор не мог ее сразу осмыслить, постигнуть происходящее... Его толкали: «Поднимайтесь! Наверх, живее!.. Освободите проход!»

Он ждал Тамару на перроне. Бежал с другими... Вокруг кричали: «Взрыв! Теракт?.. В каком вагоне?..» Виктор смотрел на окровавленных людей, которых выносили наверх. Слышал ужасные стоны и плач. Ее он увидел внезапно. Она не плакала, сидела с бледным лицом и окровавленными руками, смотрела со страхом и беспомощностью, как большая брошенная кукла. Ее перевязывали. «Тамара, я здесь. Ты ранена?» Она глухо отвечала: «Я очень торопилась»...

Он приехал к ней в больницу... Тамара была бледная, но спокойная и, как показалось Виктору, даже чуть-чуть радостная. Она торопливо заговорила: «Вот видишь, нам действительно встречаться больше не следует. Ты был прав, когда говорил, что наши двери давно закрыты, что между нами давно непреодолимая стена... Вот и сейчас, я ее чувствую: невидимую стену между мной и тобой... Прости! Я тебя измучила... Сегодня меня предупредили небеса! Я запрыгнула в эту электричку, когда уже двери закрывались. Слава Богу, я жива...»

Это было несколько месяцев назад. Сегодня утром он опять увидел куклу. К чему бы это? А прекрасная девушка в лодке! Зачем она? Об этом надо как следует поразмыслить...»

– На-поди, он нас даже не слышит! Виктор, дорогой, да очнись наконец!.. Или ты как потомок дворянского сословия не желаешь разговаривать с гегемонами!? Я тебе в этом случае открою тайну – мы все гомо сапиенс!.. В нас одни и те же бесы! Ха-ха! Извините за такой каламбур... – услышал он веселый бас скульптора.

– А-а?.. Вы о чем? – Виктор огляделся. Вокруг – масса людей. Кроме Вероники, Алексея Григорьевича и Генри за столом сидел в белой рубашке с небрежно расстегнутым воротом совершенно лысый, с помятым небритым лицом, самодовольный и уверенный Тартищев – владелец гостиницы и магазина модной одежды. В кресле – Анна – его жена, миловидная полная, уже не молодая женщина в дорогом платье, похожая на утку. Густые от природы каштановые волосы подчеркивали полноту лица, а обилие золотых украшений, ярко накрашенные губы дополняли портрет не изнуренной домашним бытом женщины, в облике которой нельзя было обнаружить признаков большого интеллекта, но и явной невеждой ее никто бы не назвал.

Прислонясь к дверному косяку, с кем-то разговаривал по мобильному телефону Лева – энергичный молодой человек, помощник Виктора: организатор всех бесконечных поездок и выставок художника. Напористый, питавший презрение ко всему, что не касалось напрямую его деятельности, он, отслужив чуть больше полугода в Чечне и получив легкое ранение, поступил по протекции в столичный университет. Лева питал фанатическую страсть к модной одежде: сейчас на нем была темно-зеленая рубашка «Реплей» с желто-зеленоватыми пуговицами, черные брюки «Валентино» и кожаные ботинки «Дирк Биккембергс». Коротко подстриженный и надушенный французской туалетной водой, Лева жил по принципу: «Живи со вкусом, живи свободно».

Кроме перечисленных персон, веселым смехом на лужайке обозначились две девушки. В простеньких летних платьях, они беспечно раскачивались на качелях, подвешенных цепями под полукруглый железный навес с узорными стойками. Первая – Люся – приятная, коротко стриженная с наивно-кокетливым взглядом, бойкая деревенская девушка. Когда качели взлетали очень высоко, она со смехом вскрикивала сильным груд-

ным голосом: «Ой! Держите меня, мальчики!» Вторая – хохотушка Мария – рыжеволосая опрятная девушка, располагающая к себе открытым взглядом ангела. Ее смех звенел какой-то ожерельностью и чистотой. Если в поведении Люси читалась некая наивность, то Мария была настолько проста и естественна, что любой, говорящий с ней, невольно становился в это время мягче и добрее. Девушки жили за лесом, в селе Архангельском, и имели обязанность следить за чистотой в особняке Виктора и помогать на кухне Веронике.

На другом конце лужайки, в тени забора, копался Цицерон, садовник и сторож одновременно. Красноречием, в отличие от римского оратора, не блистал. Кто-то, видимо, позабавился, называя его именем исторической личности. Но он, похоже, не просто свыкся с этим вторым именем, неизвестно кем и когда ему данным, но и втайне гордился этим. Со стороны могло показаться, что Цицерон глухонемой и простоватый. В действительности, это был мудрый старик, скорее не по возрасту, а по тяжелой доле, выпавшей ему, согнувшей и сморщившей его когда-то крепкое тело, забелившей голову и затаившейся глухой отрешенностью в темной обводине глаз. Он никогда ни с кем не делился сокровенным, говорил односложно, предпочитая молча созерцать жизнь. Не терпел он одного – хамства. Всех, кроме Дашки, считал жуликами и грабителями. Дашка – старая полукровка-овчарка с угрюмым собачьим взглядом – жила с ним круглогодично в этом лесном уединении и сторожила дом. Лишь на Цицерона она смотрела ласково, одобряя его молчание. На том они и сошлись: оба видели смысл оставшейся жизни в бессловесном служении хозяину, сохраняя собственное достоинство и принципы; готовые показать зубы любому, попытавшемуся разрушить их устои.

– А?... Вы о чем? – очнулся от своих мыслей Виктор.

– Он весь ушел в себя. Я к этому давно привыкла, – сказала Вероника.

– Виктор, мы толкуем о твоём улове. Не вызвать ли из ресторана моего лучшего повара. Он приготовит нам отменную заливную рыбу, – предложил Тартищев, закуривая сигарету.

– Думается мне, дорогой Виктор, утром ты в реке поймал золотую рыбку и обдумываешь желание, – прогремел низким голосом, похохатывая, толстяк Алексей Григорьевич.

– Вот-вот! Признавайся, дорогой! – воскликнула Вероника.

– Собственно говоря, все мои желания связаны с моим творчеством... Что ж... Мое желание – закончить новую картину. Она будет называться «Лицо Вселенной», – Виктор осмотрел всех каким-то параноическим взглядом. – Сейчас же удаляюсь в свою келью и снова берусь за кисть.

– Я с вами, Алексей Григорьевич, – поднялся Генри...

Вскоре на веранде наступила тишина. Во дворе скрипели пустые неуспокоенные качели. Солнце, просачиваясь через ажурную стену виноградника, выкропляло дощатый пол веранды, стол, стулья и гобелен приземистого кресла золотистыми пятнами, недвижимыми на первый взгляд, но меняющими места время от времени. Начатый день – а где его начало?

– искусно раскрашивал землю яркой зеленью, все резче выписывая границы света и тени, собирая на лужайке золотые скирды солнечных лучей. Стрелки часов на башенке смыкались, показывая без четверти девять.

Глава 4. **Исключение реальности. Власть музыки**

Первые мазки краски легли на белый холст. Поток мыслей художника и теснящиеся в голове образы невидимо переходили на полотно, и Виктор как бы вылеплял их, кистью придавая видимую форму. Поразительные перемены происходят в человеке, занятом творчеством. Он становится не просто красив, а божественно прекрасен: налет суетливости и спесь исчезают.

В этот час Виктор не видел работу другого мастера – Природы! Она вдохновенно трудилась над небесным полотном. Край горизонта на юго-западе густо замазала белилами, выписывая нагромождения кучевых облаков, а затем широкой кистью принялась писать дождевые тучи, не жалея ультрамарина. Два художника будто соревновались друг с другом в мастерстве и фантазии...

Часы на башенке пробили два часа пополудни. Вокруг потемнело, стало тихо, пасмурно, птица метнулась к воде, и первый гром, еще хрипло и невнятно, издали – из-за реки, погрозил: доберусь и до вас! И замолк, слушая обрывистую хрупь далекого эха. Воздух посвежел, а следом и порывистый ветер наполнил пространство тревожными приходами природы, слабым шумом. Синие тучи напозли с запада, притащив за собой лохмотья воздушно-водяной массы. Тени ложились на землю, растекались кляксами, смешиваясь с поникшей травой. Туча вошла в тучу, содрогаясь в муках, небо блеснуло зарницами, рассыпая изумруды и яхонты из небесного тайника...

Где-то сверкнула свинцовая молния, капнуло раз-два, и следом крупные капли дождя забарабанили по крыше, зашумели в листве и траве. Вспышка – и тут же оглушительный гром, почти над головой: ударили небесные литавры, покатались груженные громами телеги... Хлынул ливень! Вода шумным потоком обрушилась из разверзнутых небес. Началась гроза!..

Стихия в сумасшедшей пляске понеслась над миром под гул и раскаты грома, заполняя пространство слитным оглушающим ревом и содроганьем. Бурей и воем! Бушующий ветер ломал ветви, клонил сосны, выворачивал слабые корявины, нещадно хлестал струями как плеткой. Частые молнии вылетали из громоносных черных туч, мгновенно расплзались вокруг змеями, пугая все живое. Невидимый громовержец в кого-то метил свой удар, и гневу его, казалось, не было конца. Будто гигантский бык с огненными рогами до неба терзал и вытаптывал землю...И

страшно! и удивительно видеть человеческому глазу исполинскую мощь яростной стихии.

В гостиной, за большим столом, сидело почти все лесное общество, кроме Виктора и Цицерона. Виктор был еще в мастерской, а садовник в своей сторожке; небольшой пятистенный сруб под шиферной крышей стоял шагах в пятидесяти, в глубине сада, слева от особняка. Там же была сложена ладная банька, рядом – сарай с курятником: дюжина кур и петух скрашивали однообразие жизни Цицерона. Начало обеда совпало с началом грозы. Трапезничали молча. Оживились все лишь к концу застолья, когда стихия стала умиряться: гроза уходила на юго-восток, горизонт на западе просветлел, но дождь продолжался.

– Такой грозы я в жизни не видела. Небесный Содом и Гоморра... У меня сердце в пятки ушло, – испуганно произнесла Вероника.

– Согласен, Вероничка! Зевс сегодня страшен в гневе, – ответил скульптор. – Мы как будто оказались посреди сражения.

– «Звучал булат, картечь визжала...» – восторженно продекламировал Генри.

– Ах! Это ужасно! У меня разболелась голова, – разохалась Анна.

– Как устояла крыша? Ветер рвал все вокруг, – удивлялся Тартищев.

– Слава Богу! Гроза закончилась и молний нет, – с облегчением вздохнула Вероника.

– А мне показалось, что одна молния попала в дерево, – Генри привстал из-за стола и указал в окно. – В той стороне я видел вспышку и огонь.

– Я, кажется, тоже видела, – подтвердила Анна.

– Однако, дождь еще льет, – продолжила Вероника.

– Каков ни будь грозен день, а вечер-то настанет, – ответил скульптор Клювин. – Лева, что ты все маешься с мобильником?

– Странное дело – уровень сигнала на нуле! – Лева в недоумении нажимал на кнопки мобильного телефона. – Батарея заряжена. Не понимаю... В обед я разговаривал с Москвой. Может быть, из-за грозы помехи у оператора сотовой связи.

Тартищев потряс указательным пальцем, будто дирижировал:

– Это происходит из-за электрических разрядов в воздухе. – Он достал свой мобильник и попытался позвонить. – Нет сигнала... Что я говорил?

– Виктор, дорогой! Ты спустился с небес на грешную землю?! – радостно воскликнул Клювин.

Все повернулись к лестнице, по которой устало и отрешенно спускался Виктор. Он подошел к столу и буквально рухнул на стул. Лицо его еще было одухотворено работой, но сильная усталость и даже истощение читались в нем. Он посмотрел на всех с утомленной улыбкой и сказал:

– Была страшная гроза...на моем полотне.

– Виктор, молодец! Генри, выдай ему порцию из классики! – Клювин похлопал художника по плечу.

– «Лишь я, таинственный певец, на берег выброшен грозою», – продекламировал Генри.

– Ты прав, Генри, я выброшен из океана впечатлений совсем без сил.

– Виктор, тебя ждет холодная водка и остывшая уха. А мы ждем картины, – сказал Тартищев.

– Картина завершена... Я испытал фантастическое вдохновение! Буря и гроза были со мной едины.

– Мы в нетерпении! Можно посмотреть? – спросила Вероника.

– Конечно! Поднимайтесь в мастерскую.

– Господа! Позвольте мне первому принять удар потрясения от нового творения мастера, – скульптор поднялся со своего места и двинулся по лестнице на второй этаж. Следом поспешили остальные.

Вдоль светлой высокой стены круглой просторной комнаты до самого потолка стояли изящные мраморные колонны, между которыми были вмонтированы гипсовые рельефы на мифологические сюжеты. В центре зала – широкое полотно, укрепленное на мольберте, смотрело в сторону высокого окна. Живо записанное, оно как бы отворачивалось от вошедшего зрителя, словно юная девственница от навязчивого незнакомца. На сером полу у ножек мольберта лежали банки с масляной краской, коробка с тюбиками, бутылки с растворителями. На небольшом зеленом столике – палитра, кисти, пузырьки, выжатые тюбики, тряпки и мастихины. Густой специфический запах масляных художественных красок и лаков наполнял комнату неизведанной таинственностью. Здесь каждая вещь была значимой и неотторжимой от всего интерьера: и легкие стеллажи с толстыми альбомами репродукций картин известных живописцев, и банки с кистями, и прислоненные к стенам рамы, подрамники, холсты, этюды, и одинокое бордовое "кресло-жаба" на коротких ножках. На подоконнике стояла пыльная гипсовая голова Лаокоона, повернутая в отуманенную стеклинку высокого окна, за которым лил дождь с грязно-молочного неба. Он стучал по окну и оцинкованному подоконнику, просясь к зрителям из зыбистой сыри: дайте взглянуть, дайте взглянуть!

Прямо перед полотном замер в раздумье Клювин. Он скрестил крупные руки на груди, запрокинул голову и, казалось, сосредоточенно слушает важного собеседника, не имея никакого намерения прерывать вдохновенную речь. Из-за его могучей спины выглядывали Анна и Вероника. Первая – с восторженным любопытством, вторая – с изумлением и тревогой. Немного сбоку стоял потрясенный Генри: его большие, увеличенные очками глаза не моргали, а из полуоткрытого рта доносилось его учащенное дыхание, слышимое в наступившей тишине. Тартищев застыл с зажженной сигаретой, морща лоб и играя желваками. Лева с засунутыми в карманы руками как-то боком рассматривал картину с удивленной улыбочкой. Никто не нарушал тишину загадочной комнаты, разглядывая полотно, пытаясь поймать неводом разума неуловимый замысел ма-

стера. И полотно отзывалось зрителю, приглашало войти в его мир, окунуться в его тайну. Оно теперь жило независимо от художника, выстраивая вокруг себя свое пространство: сейчас – это мастерская с первыми зрителями, завтра, возможно, – светлая галерея с множеством посетителей, а в будущем – тихая комната богатого коллекционера или сырой запасник музея, или... Судьба картины, как и человека, неизвестна простому смертному. Возможно, ее ждет долгая жизнь, восторженные восклицания и трепетное дыхание реставраторов, как судьба картин Тинторетто и Рафаэля, или ее используют для подстилки в прихожей, как многие картины Поля Гогена, не ведая об их ценности. Художественное полотно тем и отличается от фотографии, что вместе с краской художник оставляет на холсте часть своей души: любовь, вдохновение, мысли и переживания. Какова бы ни была картина по своему мастерству и замыслу, она будет трогать с той или иной силой душу любого зрителя...

– Это шедевр! – оглушил комнату густым басом скульптор Ключин. И все облегченно вздохнули, зашевелились, переминаясь с ноги на ногу, будто последовала команда: «Вольно!» Этим оживлением все словно согласилось с точно найденной характеристикой увиденного – со сказанным словом, за которым стояла бездна чувств, мыслей, образов и переживаний. Картина поражала зрителя живостью пластических форм, привлекала тонкой, почти пастельной, гаммой красок и завораживала загадочностью образов. Живописный слой был соткан мазками и вылеплен ими смело и мастерски. Большая фантастическая птица с женской головой в центре композиции летела-парила в сверкающем пространстве, пронизанном лучами и молниями. Светом. Глубина этого пространства была столь ощутима, что казалось, зритель стоит на краю космической бездны, куда уносится ветер, развевающий длинные волосы девушки-птицы. Невообразимо легко было написано лицо незнакомки: удивительно совершенное, лицо богини-победительницы. Живое, оно притягивало и пугало одновременно. С трудом оторвав взгляд от летящей богини, взволнованные зрители тут же видели множество парящих обнаженных девушек с головами птиц. Причем они не просто парили, а летали вокруг главной птицы, то ли оберегая ее, то ли прося внимания. Где-то в самой глубине просматривалась туманность, в которой двигалось странное фаллическое образование в форме переплетающихся тел. В картине присутствовала иллюзия движения: стоило перевести взгляд с центра композиции, и казалось, что девушка-птица в это время взмахивает крыльями...

Тартищев, делая долгую затяжку сигаретой и выпуская дым в полотно, желая, видимо, невзначай сдуть завесу таинственности, как можно авторитетнее произнес:

– Летящие дамочки хороши... Шокирует!

– Лицо Вселенной открывало печаль таинственного дня, – сентенциозно произнес Генри. – В картине поэзия, музыка и философия соединены краской. Это лицо Вселенной. Грандиозно!

– На-поди, Виктор, дорогой! Поздравляю!.. Но как живописно! – Ключевин подошел к Виктору и стал крепко жать его руку. – Это лучшая твоя вещь! Поверь мне.

– А меня пугает выражение лица летящей девушки! В ее глазах – пронесшаяся гроза и буря! – Вероника сцепила пальцы и нервно их сжала.

– Вероничка, солнышко, произведение и должно вызывать бурю чувств!

– Картина украсит любой богатый интерьер, – сказала Анна.

– Виктор, ее надо обязательно выставить в Европе, – говорил Лева, пытаясь куда-то дозвониться.

– Да! картина удалась, – лицо мастера заметно повеселело. – Да-да, это она, – пробормотал он.

– Надо поднять бокал вина за мастера. Все к столу! – проревел Ключевин. – Кто может сравниться с Виктором моим, – весело горланил он, уводя всех за собой по крутой деревянной лестнице с резными перилами.

Обед продолжался в оживленной беседе. Говорили о картине Виктора, о птицах, вспоминая самых экзотических, конечно, о женской красоте и о погоде. Не проявляла интереса к теме лишь Вероника. Она сидела задумчивая и напряженная. Лева периодически доставал свой мобильный телефон и с непонятным упорством нажимал кнопки. Когда Мария с Люсей подали чай, дождь уже прекратился.

Генри с Ключевиным отправились в лес искать сожженную молнией сосну. Виктор опять поднялся в мастерскую. Остальные расположились на диванах. Тартищев попросил Веронику помузицировать на фортепиано, и она с какой-то поспешностью села к инструменту...

Генри и Ключевин шли по мокрой лесной дороге и о чем-то громко спорили. Лес, сырой и хмурый, глушил человеческие голоса, прислушиваясь к собственному дыханию. С веток скапывала дождевая вода, будто деревья в молчаливом страдании плакали, не прося и не желая утешения, решив тихо выплакать все слезы раз и навсегда. Далеко разносился голос Ключевина:

– Нет, Генри, дорогой, что ни говори, а историю делают личности.

– Я согласен с этим, Алексей Григорьевич, но личностей порождает сама история, – сдержанно отвечал Генри.

Они вышли к опушке, за которой начинались сельские поля, и увидели на краю старую сосну, одиноко чернеющую безверхим дымящимся рога-лем ствола. Молния, видимо, ударила по центру кроны, снесла верхушку, мгновенно сжигая ее, и обуглила расщепленный ствол, оставив несколько корявых веток и сучков. На верхней ветке сидел черный ворон, как сторожевой, и следил за людьми, пытавшимися подойти к сожженному дереву, но сделать это двум бородатым незнакомцам не удавалось... Они странно махали руками, ощупывали воздух, как слепые, и застывали в невероятных позах с вытянутыми руками.

– Что за черт, Генри! Неужели я так пьян, что застреваю в воздухе?! – удивленно басил толстый бородач. Он стоял, наклонившись вперед и упираясь двумя руками в невидимое препятствие.

Генри дико рассмеялся, глядя на невероятную позу скульптора, подошел ближе, но вдруг сам уперся во что-то невидимое. Смех сменился нервными восклицаниями, и молодой человек застыл рядом с Клювиным.

– На-поди, Генри, ты и сам влип в историю, – посмеялся над другом скульптор. – А я-то решил, что у меня началась белая горячка!

– Какая-то аномалия в этом месте... Сгущение пространства!.. Сумасшедшая история! – Генри ощупывал невидимое препятствие.

– Вот и я думаю, не спятили мы часом?

– Мои мозги в норме... Похоже, это из-за грозы произошло какое-то необычное явление в природе. Надо обследовать местность.

– Ты меня успокоил, Генри... Иди-ка вправо, а я влево, – Клювин медленно двинулся с вытянутыми руками, оглаживая ладонями воздух, словно штукатур, выравнивающий стену. Генри пошел в другую сторону, тыча пальцем в пустоту... Невидимая плотность не кончалась, и измотавшиеся мужчины вернулись к тропинке. Пройдя лесом километра два, они и там обнаружили препятствие.

– Похоже, невидимая стена образовалась после грозы, – сказал озадаченно Генри.

– Стена?!?! Нам же не мерещится это, Генри!?!.. Э-э-гэ-гэ... Стена-а!

– Стена-а, – ответило эхо...

Для полного прочтения необходимо обратиться по электронной почте на сайте